

Кривоусова З.Г. Народный характер в романе И. Друцэ «Бремя нашей доброты» // От текста к контексту: Межвузовский сборник научных работ. Вып. 5. - Ишим, 2006. С. 102–106. URL: https://vk.com/doc288907438_647976685?hash=HVuhTKJVIPAsAv5mJ41eXuvlS3OdHEZcPdZT5BLRmbc&dl=P9CRQN5U6U4Fe9VRjfEQGvpM7qeMxU0ZBcGbjaiXZQD

З.Г. Кривоусова

**НАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ ИОНА ДРУЦЭ
«БРЕМЯ НАШЕЙ ДОБРОТЫ»***

Творчество молдавского писателя Иона Друцэ традиционно рассматривается в контексте онтологического реализма. Онтологическое течение (термин Т.Л. Рыбальченко) объединяет тех авторов, произведения которых в 50–70-е годы XX века относили к так называемой «деревенской» прозе. В этот круг включают произведения В. Белова («Привычное дело», «Плотницкие рассказы»), Ф. Абрамова («Пряслины»), В. Распутина («Прощание с Матёрой»), В. Астафьева («Царь-рыба», «Последний поклон»), Г. Матевосяна («Мы и наши горы», «Под ясным небом старые горы»), Ф. Искандера («Сандро из Чегема») и др.

Каждый из названных писателей создает свое художественное пространство, но эти миры имеют и общие черты. «Это глубоко национальные, но не обособленные, а тесно связанные миры; общность судеб и пережитого соединяет их» [1, с. 3].

Представителей разных культур связывает обращение к народной, прежде всего – крестьянской жизни. Природа осмысливается ими как духовная первооснова жизни, диктующая человеку свой закон: возделывать землю и продолжать род. Герои произведений осознают свое положение в природе, подчиненность ей.

Внимание к внутреннему миру крестьянина, обращение к истокам народной культуры, попытка постижения жизни деревенского человека на

*Впервые статья опубликована в сб.: От текста к контексту: Материалы VII Международной конференции. Вып. 5. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. – 212 с. – С. 102–106.

эстетическом уровне приводит к поэтизации народного характера и национального бытия в прозе В. Белова, Ю. Казакова, И. Друцэ, Ф. Искандера. Вместе с тем для произведений этих и других авторов характерен интерес и к процессам разрушения родового уклада. Стремление поставить и решить большие вопросы свойственно прозе В. Шукшина, Г. Матевосяна, Ч. Айтматова.

Трезво оценивая, не идеализируя деревню и сельских жителей, Ион Друцэ, как и его собратья по перу, стремится спасти и сохранить для потомков то лучшее, что было в быте, бытии, истории народа. В этом отношении представляет интерес роман «Бремя нашей доброты», в котором внимание писателя сосредоточено на судьбе молдавских крестьян.

Друцэ привлекает проявление в человеке природного начала. Признание первичности этого звания (один из первых сборников рассказов писателя назывался «Человек – твое первое имя») приводит к выдвиганию на первый план общечеловеческих проблем, которые решаются, тем не менее, на национальном материале.

Позиция молдавского писателя заключается в уверенности, что лицо любой эпохи определяют простые люди: дурные и хорошие, – общественный статус которых не представляет особой важности. Социально-политические условия лишь проявляют, подчеркивают доминирующие черты их характеров. Поэтому исторические события воспринимаются героями произведений Друцэ как неизбежные обстоятельства, сопутствующие жизни каждого, а триада «природа – народ – личность» лишь подтверждает преходящий характер внешних условий ее существования.

Иона Друцэ неизменно привлекают вопросы взаимоотношений личности и рода, человека и государства в разных вариантах: насколько человек зависит от окружающих, обстоятельства ли формируют личность или она влияет на ситуацию? С постановкой этих проблем связана одна из отличительных черт прозы молдавского автора – единство лирического и эпического начал. В романе «Бремя нашей доброты» это проявляется уже на уровне заглавия.

Местоимение «наша» соединяет понятия «бремя» и «доброта». Как в названии произведения материальное (тяжесть, тяжелая ноша) уравнивается нематериальным (способностью творить добро), так в тексте главный герой пребывает в постоянной борьбе с родной деревней и в то же время не мыслит себя вне ее жизни, ощущает духовное родство с ее обитателями.

Онакий Карабуш – представитель народа, населяющего Сорокскую степь, сохраняющий верность «простому роду плугарей». Вместе с тем герой Друцэ не раз заявляет свое право на индивидуальность, выбирает собственный путь. «Онакию всегда было безразлично, что о нем думают другие. Для него важнее было, чтобы он сам о себе был неизменно хорошего мнения» [2, с. 443]. Характеристикой непохожести героя на других становится выбранный им «лет в шестнадцать <…> определенный ритм ходьбы, который, казалось, больше всего ему подходит, и это стало его походкой» [2, с. 522]. Насмешки чутурян не помешали тому, что «до глубокой старости проходил он своей знаменитой походкой, словно за ним и вправду шли лучшие в степи музыканты» [2 с. 523].

Жизнь Карабуша показана в вечном противостоянии деревне Чутуре, которая рисуется повествователем как живое существо: она думает, сердится, интригует. Так, реакция деревни на болезнь и смерть жены Онакия Тинкуцы выражается словами «Чутура тогда впервые удивилась», «Чутура снова принялась недоумевать», «это Чутуре не понравилось», «Чутура была прямо вне себя от изумления – издеваются, что ли, над ней?!» [2, с. 423].

Поединок главного героя и деревни напоминает состязание в хитрости. Онакий раздражает Чутуру своеволием, тем, что «вечно норовил дойти до всего своим умом, а свой ум, как известно, может завести куда угодно» [2, с. 271]. В то же время и деревня, и Карабуш ощущают связывающее их родство. Именно то, что он плоть от плоти своего народа, позволяет герою выйти победителем в разных ситуациях. Изначально занимающая по отношению к нему враждебную позицию, Чутура в конце концов признает

правоту Онакия и в выборе места строительства дома (глава «Молда»), и в борьбе за счастье дочери (глава «Гостинцы детям»).

В его особенности сконцентрированы на самом деле типические черты молдавского крестьянства. Вероятно, поэтому именно дом Карабуша выбирает легендарная Молда, давшая имя стране и народу.

Онакий чувствует значимость одних событий и преходящий характер других, кажущихся на первый взгляд важными. Примером может служить его возвращение с первой мировой войны в сгоревшую накануне деревню. Первоначальное осуждение деревней поступка героя, отправившегося с женой в лес, сменяется одобрением. «Около десяти чутурян побрели в то воскресенье в лес. Вернулись они поздно, очень голодные, усталые и задумчивые. На второй день они встали раньше всех, пошли по соседним деревням, заняли семена, а еще через день вышли в поле пахать. Чутурянки, сходявшие в лес, были на седьмом небе от счастья и удивляли всю деревню своей ласковостью и старательностью» [2, с. 295]. Герой Друцэ понимает: жизнь не прерывается до тех пор, пока жив дух народа.

Народ в романе Друцэ – это «мы»: главный герой, его семья (жена Тинкуца, дочь Нуца, сыновья), чутуряне. Среди них – те, кто наделен самостоятельной историей, как Харламбие Умный, его сын Ника, зять Карабуша Мирча Морару, и эпизодические, но играющие в романе серьезные роли дальняя родственница Онакия, наделяющая его семенами кукурузы, учитель Мику Микулеску, русский солдат Николай, квартировавший несколько дней в доме Карабуша.

В понятие «мы» включает себя и повествователь, а вслед за ним – и читатель, поскольку всем нам близки и понятны заботы и радости «простого рода плугарей». Роман И. Друцэ помогает современному человеку восстановить утраченную связь с другими людьми, с природой. Безымянный повествователь, голос которого, то иронический, то полный неподдельного лиризма, звучит в отступлениях, занимает одно из центральных мест в персонажной сфере произведения.

В лирических отступлениях, напоминающих стихотворения в прозе, подчеркивается общность «наших» судеб, развертывающихся от рождения до смерти, сходных при всей их непохожести. Вероятно, поэтому лейтмотивом проходят через роман слова повествователя о Сорокской степи. Они звучат почти без изменений в начале и в конце романа, как припев к песне – человеческой судьбе, выделяя главное в жизни природы и человека: «Наказано было этой земле кормить, и она кормит. Она старательно носит сотни лет, от зерна к зерну, вкус хлеба насущного. Тихий, торопливый говор, умеющий одинаково складно благодарить и проклинать, смеяться и плакать. <…> Дороги. Новые и старые, безымянные и с громкими именами, проселки, тропинки и перекрестки – весь этот ползущий, идущий, бегущий мир лежит, намертво сцепившись друг с другом, как вздувшиеся вены на руках старого землепашца» [2, с. 286].

Общность судеб земли и человека еще раз подчеркивается в финале: «Широкое, бескрайнее поле чернозема, чуткое, доброе сердце, жадные до работы руки и сложную, трудную судьбину – это получают степные пахари в день своего рождения, с этим прощаются последним сознанием своим. Большого у них в жизни не было, а меньшего им не хотелось» [2, с. 542].

Залогом вечности этого мира служит цикличность движения времени в нем: от весны к лету, осени и зиме. И пространственные лирические отступления в «Бремени нашей доброты» посвящены этим временам года в их связи с человеческой, прежде всего – крестьянской жизнью.

Размышления о летних степных ночах, сладких, как первый виноград, о весне – времени посева, самого древнего и великого искусства человека, об осени – поре свадеб и уборки урожая или о зиме с ее главным праздником – Рождеством, – все это не просто мастерски выполненные пейзажные зарисовки. Их задача – вписать жизнь человека, народа в природный круг, продемонстрировать общность законов, действующих во всех сферах.

Возделывать землю и продолжать род – порядок существования всего на земле. Поэтому без слов понимают друг друга молдаванин Карабуш и русский

солдат Николай, тоскующий по родному дому и крестьянскому труду. «Они сидели молча, над ними билось синее высокое небо, мерцали звездочки, из степи несло прохладой, кругом светились окна, множество огоньков, пахло вкусным ужином и для них, и для тех, среди которых они жили. Хлеб, дом, родная душа – чего же еще...» [2, с. 369].

Крестьянская работа помогает героям понять: прежде всего они – люди, а принадлежность их к разным государствам, армиям – всего лишь искусственные границы, чуждые законам природы. Так, помогая Мирче и Нуце убирать подсолнухи, Ника на время обретает свой подлинный облик.

Совместный труд превращает солдата румынской армии в прежнего односельчанина, одного из «нас». «Он искал выход там, в лесу, он искал правду, искал смысл, а оказалось все просто. Нужно было грузить подсолнух. Сегодня это было самой полной правдой» [2, с. 410].

Два крестьянина, служившие в двух разных армиях, едины в знании тайны вспашки, сева и жатвы. После дружеской трапезы Ника вновь обретает свой прежний статус, символом которого выступает военная форма. И оказывается, что «у них только и было общего, что земля, да ее заботы, да ее плоды, – в остальном они были далеки друг от друга» [2, с. 413].

Друцэ утверждает своим романом существующие от века моральные истины. Например, история возвращения домой с поля мужа Нуцы Мирчи напоминает о необходимости соблюдения во всем меры. В сцене встречи тестя с зятем на колхозном поле ничего вроде бы и не происходит. Автор не дает развернутых диалогов, ограничиваясь репликами, не демонстрирует воспитательных действий, но проснувшийся после ухода Карабуша Мирча прощается с поработившим его трактором и отправляется к жене и детям. Герой понимает: «Мера – вот что было им утеряно и что ему принес Карабуш в своей кошелке» [2, с. 459]. Чувством меры отмечен путь Онакия от женитьбы и строительства дома до старости и смерти.

Метафорой человеческой жизни в финальной главе романа выступает огонь, глядя на который старик вспоминает свою судьбу: «Мелькнет

крохотное, всегда счастливое детство, отмается, отлюбопытствует юность, перебушает молодость, потом созреют угли, сложатся в самое что ни на есть для тебя заветное, да только откуда ни возьмись – снова чёрные бабочки» [2, с. 541]. Черные бабочки, олицетворяющие смерть, – образ, тоже заимствованный из природного мира, подчеркивает, что уход Карабуша из земной жизни – событие печальное, но неизбежное, залог вечного повторения бытийного круга. Подтверждение этому – заключительное лирическое отступление о бескрайней и не подвластной времени Сорокской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедков И. Поэзия простых и целебных истин / И. Дедков // Друцэ И.П. Белая церковь; Бремя нашей доброты: Романы / И.П. Друцэ; Вступ.ст. И. Дедкова. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

2. Друцэ И.П. Бремя нашей доброты / И.П. Друцэ // Друцэ И.П. Белая церковь; Бремя нашей доброты: Романы; Вступ.ст. И. Дедкова. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.